

Эти слова заставили Ли Чжао внутри кокона резко открыть глаза.

Дева Цзюнь... дочь её учителя?! Но...

Её сосредоточенность была нарушена. Образовавшийся вокруг неё кокон тут же рассыпался. Чжао Фэн, уловив мгновение, немедленно атаковал Кровавой алебардой!

Ли Чжао поспешно подняла Тунлун для защиты, однако Сфера Сомкнутого Боя имела серьёзные побочные эффекты — в первую очередь, лёгкое помутнение сознания. Если бы не молниеносная реакция тела, эти два быстрых удара Чжао Фэна могли бы запросто лишить её обеих рук.

Разумеется, сила удара быстро вернула её в чувство, но боль от телесных ран, которую она до того игнорировала, внезапно обрушилась на сознание. Не успела она отступить и на два шага, как уже едва не рухнула на пол.

А Чжао Фэн, естественно, не собирался её отпускать. Рубящие удары, колющие выпады, цепляющие крюки — ноги мелькали, будто ветер, сила в тысячу цзиней, боевое давление обрушивалось лавиной, грохот стоял, как от грома, брызги крови летели, словно во время ливня.

Менее чем за полчаса Ли Чжао была вся иссечена кровавыми ранами. И ни одна не была ни глубокой, ни смертельной — явно Чжао Фэн просто забавлялся с ней.

Кровь капала на пол. Ли Чжао уже кружилась голова, Тунлун в её руке дрожал, а уж о устойчивости и говорить не приходилось — стоило Чжао Фэну крикнуть погромче, и она бы сама рухнула. Но что ещё хуже — внутренняя ци в ней была почти на исходе, действие снадобья, блокирующего ци, ещё не прошло, а её физическая сила и в подмётки не годилась силе Чжао Фэна. Ясно было — она на последнем издыхании.

Увидев это, Чжао Фэн громко рассмеялся, закинул Кровавую алебарду на плечо и неспешной походкой направился к пошатывающейся Ли Чжао. Ему было смешно: эта полужайка, которую так легко вывести из равновесия, всего минуту назад заставила его отступить на шаг?

Хм! Раз осмелилась опозорить его — он вернёт ей с лихвой!

Зловеще усмехнувшись, Чжао Фэн взял алебарду в одну руку, встряхнул её — и кровь с лезвия закапала на пол. Ему нравилось это зрелище.

Глядя на приближающегося врага, Ли Чжао испытывала не страх, а тревогу. Если она умрёт, но Дева Цзюнь будет спасена — она умрёт без сожалений. Но если она умрёт, а Дева Цзюнь попадёт в ужасное положение... она и с закрытыми глазами покоя не найдёт, и стыдно ей будет предстать перед учителем в мире девяти источников!

Но что же делать? Снова попытаться войти в Сферу Сомкнутого Боя? Чжао Фэн уж точно не даст ей этого сделать...

Вдруг её уши уловили звук.

Плеск воды.

Вода в чём-то, похожем на бамбуковый сосуд, плескалась в такт её покачиваниям.

Ли Чжао резко открыла глаза шире и потянулась к поясу. Нащупала флягу. Кажется, когда она пила с Гу и Цао Манем, то налила немного про запас, на случай непредвиденных обстоятельств?

Сердце заколотилось чаще. Из последних сил она сорвала флягу с пояса, запрокинула голову и осушила её одним залпом, отчего Чжао Фэн даже замешкался на миг.

Вино, попадая в желудок, будто обладало собственной волей — само превращалось в ци и в мгновение ока наполнило её меридианы. Ноги Ли Чжао наконец твёрдо встали на землю. Боевой дух вокруг неё вновь сгустился.

Но Чжао Фэн по-прежнему не видел в ней угрозы. Он ясно чувствовал: эта девчонка сейчас куда слабее, чем в том странном состоянии минуту назад. Теперь она была всего лишь на голову выше рядового солдата на поле боя. Чего ему, генералу, бояться?

Да и интерес его уже угас. Хотелось поскорее прикончить эту помеху и погрузиться в объятия красавицы.

И потому Чжао Фэн шагнул вперёд — и в мгновение ока оказался перед Ли Чжао.

Её зрачки сузились. Реагировать было поздно — Кровавая алебарда в её глазах стремительно увеличивалась.

Свист! — внезапно налетел ледяной порыв.

Тан! Чжао Фэн слегка отвел алебарду — и тонкий меч тут же отлетел в сторону.

Но противник не собирался с ним сражаться. Его цель была лишь сорвать атаку. И тот же миг этот человек, лёгкий, как летящая ласточка, ухватил Ли Чжао за запястье и рванул с ней к повороту коридора.

За несколько вдохов они скрылись из виду.

Увидев это, Чжао Фэн лишь усмехнулся, бросил взгляд на открытую дверь комнаты и бросился в погоню.

А в комнате Вэй Цзинлинь, уже способная двигаться, стояла, прижавшись к дверному косяку, вся в холодном поту...

Тучи затянули небо, глухой гром гремел, но над Вэйлином не пролилось ни капли дождя.

Гора Чаоху.

Армия Чжоу Чжоу устроила засаду в горах. Полководец двадцати семи тысяч солдат, стоявших у подножия, имел приказ уничтожить Чжоу Чжоу любой ценой. А потому он лишь посылал солдат в горы «на убой», чтобы сковывать противника и дожидаться подкрепления.

Разумеется, это подкрепление было не армией Чжао Фэна, а войсками Ван Сюя, что охраняли Чанцюэ. Замысел первого министра был таков: если Чжоу Чжоу ослушается указа, создать видимость, будто тот поднимает мятеж. Заставить новый гарнизон Заставы Вэйлин противостоять армии Чжоу Чжоу, а затем запросить помощи у Ван Сюя, дабы окружить гору Чаоху — если не убить, то уморить голодом.

Если же на границу уже придут войска четырёх государств, армия Ван Сюя сможет под предлогом «подавления мятежа командующего Чжоу Чжоу» отправить войска на защиту Заставы Вэйлин и послов. Пусть это и сделает оборону границ государства Цянь крайне уязвимой, но четыре государства, лишённые Ван Сюем «высшего права» спасти послов, в условиях такого народного гнева не посмеют перейти границу. Ход, что и говорить, гениальный — отступить, чтобы напасть.

Если же такой ситуации не возникнет, Ван Сюй, отправляя войска на помощь Вэйлину, намеренно оголит оборону — что озадачит врага и не даст ему рискнуть.

Можно сказать, отправка войск Ван Сюем была шахматным ходом, что поставил армии четырёх государств в тупик.

Однако те ничуть не беспокоились, оказавшись в ловушке. А Ван Сюй и вовсе лично повёл половину пограничного гарнизона на выручку, словно и не замечая войска четырёх государств у границы. Непонятно, откуда у него такая уверенность.

Но никто из них не ожидал, что Застава Вэйлин вспыхнет огнём, а армия Чжоу Чжоу предпочтёт взвалить на себя клеймо мятежников и с безумной яростью рванётся прочь с горы Чаоху...

В эту ночь недавно произведённый в командующие тридцатью тысячами некий генерал и оставшиеся у него двадцать пять тысяч солдат впервые на себе испытали, что значит «обнажить лезвие — поднять кровавую волну, что и лютей тигр не остановит».

В миг, когда армия Чжоу Чжоу вырвалась с горы Чаоху, ураганный ветер стал их боевым стягом и плащом, а глухой гром — боевой трубой. Конские копыта заставили землю содрогнуться, отчего у полководца от страха язык к горлу присох, а двадцать пять тысяч солдат застыли как вкопанные. Картина была такова: опустив головы, они видели лишь взметнувшуюся пыль, а когда ветер умчался вслед за конницей — страх вышиб из них дух.

В тот же миг армия Чжао Фэна в Заставе Вэйлин впервые узнала, что значит «жестокость жестокости, нелюди среди людей».

Великан ростом в несколько чжанов и шайка самых подлых негодяев, подпалив сухую траву посреди дороги, с весёлым хохотом поджидали, когда спрятавшаяся в городе армия Чжао Фэна сама придёт к ним в руки.

И когда ничего не боящиеся и жаждущие крови вояки Чжао Фэна явились, эти типы тут же бросились врассыпную, включая великана, — чем повергли армию Чжао Фэна в полное недоумение.

Пламя по-прежнему пожирало пустоту, но армии Чжао Фэна было не до того. Заместитель командующего разбил людей на группы, чтобы те преследовали разбегающихся врагов, — всех перебить, никого из города не выпустить. Сам же он пнул дверь дома, что стоял ближе всех к пожару, и, войдя, обнаружил, что внутри ни души.